
ER M. I. GLINKA

НОВОСИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ им. М. И. ГЛИНКИ

ISSN 2308-1031

№ 1 2013

ВЕСТНИК МУЗЫКАЛЬНОЙ НАУКИ

НОВОСИБИРСК * 2013

Е. И. Исмагилова

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ КОММЕНТАРИИ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О МУЗЫКАЛЬНОМ ФОЛЬКЛОРЕ НАРОДОВ СИБИРИ

Статья посвящена проблеме полевой фиксации музыкального фольклора на современном этапе его существования. Рассматривается значение рассказов исполнителей о различных аспектах традиционной культуры для получения целостного представления о фольклорно-этнографическом контексте бытования песенных образцов. Статья содержит примеры подобных комментариев, записанные от представителей коренных (алтайцы) и переселенческих (чуваши, белорусы, русские) этносов Сибири.

Ключевые слова. Полевая фольклористика, музыкальный фольклор, традиционная культура коренных и переселенческих этносов Сибири

Вопросы полевой фольклористики, оформившейся в последние десятилетия как «самостоятельная междисциплинарная ветвь научного знания» [8, с. 31], в настоящее время являются одними из самых актуальных и дискуссионных для различных специалистов, изучающих народную духовную культуру, – фольклористов, этномузыкологов, этнографов, этнолингвистов и т. п. [1–3; 8; 12; 18 и др.]. Проблема максимально полной и адекватной фиксации фольклора волнует умы собирателей по ряду причин. С одной стороны, это сознание все более ускоряющейся утраты т. н. классического фольклора, уходящего из живого бытования вместе со своими носителями. В то же время исследовательский взгляд стали привлекать ранее мало или совсем не изученные факты народной культуры: весенние кличи, религиозные тексты в условиях фольклорной традиции, неизвестные ранее музыкальные инструменты и многое другое (см.: [18]). Кроме того, в результате активной экспедиционной деятельности постоянно увеличивается количество информации об уже известных фольклорных жанрах, что так же нередко приводит к новым аспектам в их изучении. При этом в связи с появлением циф-

ровых средств записи (диктофонов, видеокамер) значительно возросла техническая оснащенность собирателей фольклора – появилась возможность фиксации значительного объема материала с высоким уровнем качества записи, а также комплексной фиксации исполнения фольклорных произведений с помощью видео. Имея столь богатые возможности, исследователям нередко приходится задаваться вопросом: что же следует писать, а что можно оставить без внимания?

В отношении музыкального фольклора проблема его фиксации на современном этапе бытования, пожалуй, стоит еще более остро, чем в случае с чисто вербальными фольклорными текстами. Очень часто утрата поющего репертуара происходит скорее, чем других форм устного творчества. Как правило, носитель традиции охотнее рассказывает, поэтому практически всегда можно записать хотя бы малые жанры фольклора – загадки, пословицы, былички, устные рассказы. Песни же, чаще всего, уговорить исполнителя (вернее, исполнительницу, поскольку в большинстве случаев собиратель общается с женщинами) спеть бывает сложнее. Свое нежелание петь информанты объясняют отсутствием голоса и навыков пения, забытостью этого «залежалого» репертуара, нежеланием

АНТАРИИ АЦИИ РОДОВ СИБИРИ

Музыкального фольклора на
значение рассказов ис-
туры для получения цело-
контексте бытования пе-
комментариев, записан-
ических (чуваши, белору-
альный фольклор, тради-
в Сибири

в записи (диктофонов, видео-
ательно возросла техническая
ь собирателей фольклора –
возможность фиксации значи-
ьема материала с высоким
ества записи, а также комп-
сации исполнения фольклор-
дений с помощью видео.
богатые возможности, иссле-
редко приходится задаваться
то же следует писать, а что
ить без внимания?

ении музыкального фолькло-
его фиксации на современ-
тования, пожалуй, стоит еще
чем в случае с чисто вербаль-
лорными текстами. Очень ча-
поющего репертуара проис-
е, чем других форм устного
Как правило, носитель тради-
рассказывает, поэтому прак-
гда можно записать хотя бы
ры фольклора – загадки, по-
ылишки, устные рассказы.
чаще всего, уговорить испол-
рнее, исполнительницу, по-
большинстве случаев собира-
ся с женщинами) спеть быва-
еет. Свое нежелание петь
ы объясняют отсутствием го-
ыков пения, забывостью этого
го» репертуара, нежеланием

петь в одиночестве, в тех случаях, когда
петь ведется от единичных носителей
традиции. Зачастую можно согласиться
и шесть опрошенных: действительно,
многими певческими навыками владе-
ют все же не все члены традиционного об-
щества, среди них всегда были как более
выдающиеся исполнители, так и люди,
просто слушающие и подпевающие. Впол-
не возможно, что последние, попав в ситу-
ацию, когда нужно петь без «запевал»,
пренебрегают и отказываются петь.

В последнее время исполнительницы
часто мотивируют свой отказ петь тем,
что они «эти ранешние песни хоть и слы-
шали, но сами уже не пели» и потому их
не знают. Безусловно, подобные реплики
много вдохновляют этномузыколога, при-
езжавшего «в поле» прежде всего «за пес-
нями». И все же современный собира-
тель фольклора еще многое может почер-
пнуть от этих живущих в наши дни
носителей традиции и их потомков.

Настоящая статья вызвана желанием
рассмотреть роль исполнительских ком-
ментариев, выступающих в качестве ис-
точника для изучения той или иной
фольклорной традиции. Исследование
основано на материалах, опубликован-
ных в различных региональных издани-
ях [4–7; 9–11; 14–17], и на полевом опы-
те ее автора, участвовавшего с 1999 по
2009 гг. в музыкально-этнографических
экспедициях в различных районах Ново-
сибирской и Омской областей, Краснояр-
ском крае, республиках Алтай, Хакасия,
Саха (Якутия), Корякском автономном
округе. Скорее ставя проблему, чем ее
решая, и потому не претендуя на полную
ее исчерпанность в рамках настоящей
статьи, изложим некоторые мысли и на-
блюдения.

Как уже говорилось, в настоящее вре-
мя этномузыколог все чаще попадает
в ситуацию, когда носители традиции
(или, вернее, их потомки) уже не могут
ценоценно воспроизвести народные пес-
ни, помнят лишь их фрагменты или же
их не помнят совсем. Нередко случается,
что информанты поют вместо аутентич-
ных фольклорных образцов произведе-
ния из репертуара самодеятельных сель-

ских хоров, что, по мнению некоторых
из них, и является народными песнями.
Подобная картина складывается оттого,
что, к сожалению, в начале нынешнего
столетия уходит из жизни поколение
людей, сформировавшихся до разруши-
тельного наступления на традиционную
культуру, начавшегося с конца 1920-х –
начала 1930-х гг., и еще успевших ее
в себя «впитать». Последующие поколе-
ния сельских жителей зачастую уже
мало владеют многими фольклорными
формами культуры и несут в себе лишь
ее отголоски, фрагменты, память о ней.
Случается и такое: очень пожилые носи-
тельницы традиции еще помнят и могут
исполнить фольклорное произведение,
но их голосовые возможности уже не по-
зволяют это сделать в соответствии с на-
родным звукоидеалом. Однако они могут
сообщить много ценной и даже эксклю-
зивной информации, касающейся народ-
ной терминологии и этнографического
контекста исполнения произведения.

Известно, что музыкальный фольк-
лор сибирских коренных и переселенчес-
ких народов достаточно активно записы-
вался, начиная с середины XX века
(в основном, с 1970-х гг.) [10]. Ранее на
пленку фиксировались, в основном, не-
посредственно фольклорные произведе-
ния, исполнительские же комментарии
записывались под диктовку носителей
традиции в полевые дневники. Такая си-
туация была обусловлена прежде всего
отсутствием достаточного количества
аудионосителей, а также, быть может, не
вполне осознанной необходимостью за-
писи живого голоса исполнителей на
аудиопленку с рассказами об особеннос-
тях и обстоятельствах исполнения песен.
Исполнительские комментарии, целые
беседы собирателей с информантами ста-
ли регулярно записываться, вероятно,
уже в 2000-е гг., когда стала особенно
заметна утрата собственно песенных тра-
диций, а технические возможности по-
зволили фиксировать значительно боль-
ше материала, чем прежде. При всей
важности и необходимости дневниковых
записей информативнее и достовернее
выглядят диалоги собирателя с исполни-

телем, записанные на аудио, поскольку в них можно услышать живой голос и характерную манеру речи исполнителя, диалектные и индивидуальные особенности его произношения, получить сведения «из первых рук», минуя собирательский «фильтр» (что и как следует говорить, а что нет), который зачастую субъективен.

Что же в настоящее время фиксируется фольклористами кроме песенных образцов? Это подробная информация об обрядах и праздниках, о хозяйственной деятельности изучаемого этноса, о национальной кухне и народном костюме, сведения о музыкальных инструментах, уже, возможно, не бытующих на обследуемой территории. Это и большое количество других, самых разнообразных сведений, которыми считает необходимым поделиться сам участвующий в беседе информант – топонимические, родовые и семейные предания, рассказы о жизни и труде в былое время, о значительных исторических событиях (в частности, о Великой Отечественной войне, о послевоенном периоде и т. п.), и как они отразились на жизни отдельных людей, о том, чем занимались люди во время досуга и т. п. Приведем примеры некоторых высказываний исполнителей, содержащих перечисленную информацию:

– *Рождество называлось Сьргори, в этот день нарядные ходили по домам взрослые и дети. Стряпали чумури – кругленькие, заводили тесто, масло клали, сметана там, яйца, сахар, сода пищевая, шарики такие. Вот, постряпашь, конфет наберешь, ребятишки заходят, угощаешь уже их. Дети поздравляли уже по-русски, не по-чувашски. Масленица – по-чувашски Саварни. На Масленицу на конях ездили, коней снаряжали красиво очень. Дугу украшали колокольчиками. На коней самые красивые атласные платки вешали, на ногах бантики делали, из ленточек. Песни специальные пели. Но мы их сейчас не помним.*

– *Когда была гулянка, стряпали хуплу. Хуплу может быть с яблоками, может быть с картошкой и с мясом. Мясо*

крученное, свиное. Хуплу может быть с рыбой. Хуплу может быть с кислой капустой и с мясом. Стряпают это большое хуплу, ну, конечно, там бутылка сегона, и пошли в гости. ... А весной чувши обязательно варили суп – серте шурпи. Это травка такая, три листочка. Как только весной трава начинает расти, еще ничего нету, а она вылезает. С молоком могли суп такой сварить, или с мясом. Еще бабушка варила суп с галушками – яшка шурпи. Делала овсяный кисель, густой, с молоком. (Записано Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, А. Н. Журба 26.09.08 г. в д. Казанка Муромцевского района Омской области от чувашек З. Е. Никифоровой (1951 г. р.), Е. И. Никифоровой (1934 г. р.).

– *Троица тоже – числа не карауля, а карауля Паску. От Паски семь недель, она называется Сёмыха. Троица так называется. Перед Троицей Вознесенье бывает за полторы недели, у четверг. А тады еще няделя до Троицы. А там тады вже Грязная няделя называется. Старые вже ничёго не шьем, венки не завиваем, ни городить – ничёго не делаем. А там тады от этой нядели начинается Петров пост. На Троицу цвятами украшали дом. Приносили... А сейчас мы не носим ничё. Ня хочим, потому что много убирать. А тады никто не глядел, что там [убирать]. Цвяты эти растут, когда Троица поздней бывает. Цвяты принасем, наторкаем, наторкаем, а теперь их куды вешать? Только за гардинки. Раньше ж притолок был, там можно было заторкивать. Наторкаем, наторкаем – зялёно, красиво было, и запах, запах! А бярозки – май называли, троичный май. Это ставили под вакном.*

На Купала на Ивана, я рассказывала, что палили эти, колесы, ходили тоже, пярюдуть и на ихнего жита ходють, лишь бы жито [было].

– *А где катали горящие колеса?*

– *Не катали колесы! Как и сноп. Упёрнут в эту, в трубицу и вокруг жита обносили. И девки пели: «Пойдем, девки, коло жита». И еще – «Сёдни Купала, завтра Ёван» [поет купальскую песню]. (Записано Е. И. Жимулевой*

23.07.09 г. в д. Кейзес Седельниковского района Омской области от Е. А. Морозовой (белоруска, 1922 г. р.).

– Раньше играли на балалайках, гармошках, гуслях. Струны гуслей делались из жил. Егор Васильевич Горбунов в Машканке играл на гуслях, привезенных из Чувашии. Играл, и все плясали. Была гармошка русского строя, из Чувашии привезли. Играли на балалайке, на мандолине. Был барабан, его делали из собачьей шкуры, колотили по нему специальной палкой. Ложкой или ножом били по заслонке, под гармошку. (Записано Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, А. Н. Журба 23.09.08 г. в д. Машканка Тарского района Омской области от Г. Ф. Николаева (чуващ, 1930 г. р.).

– Родители мои приехали в Машканку первыми, в 1927 году. Потом приехали Пучковы, Горбуновы. Ехали на подводах. Жили в землянках, садили картошку, сеяли коноплю, били конопляное масло, пряли коноплю. Лен сеяли в колхозе, а дома – коноплю. Делали масло из конопли, кудель, в речке вымачивали и пряли. Пряли холст, толстый и тонкий. Отбеливали, вымачивали в речке и стелили на снег, он был очень белый. В каждом доме был станок и даже не один, – пряли все. (Записано Н. В. Леоновой, Е. И. Жимулевой, А. Н. Журба 24.09.08 г. в д. Машканка Тарского района Омской области от Н. И. Гавриловой (чувашка, 1938 г. р.).

– В то время кафе-то нету, ничего-то нету, только клуб, такой маленький клуб. Там мы и веселимся. У кого гитара, у кого балалайка есть. Там мы играли, пели, плясали. (Записано 11.08.08 г. Е. И. Жимулевой и Н. Р. Ойноткиновой в с. Улаган Улаганского района Республики Алтай от Г. К. Белевой (теленгитка, 1937 г. р.).

На первый взгляд может показаться, что многое из приведенной здесь информации – это область знания другой науки, этнографии. Однако же в вопросах, интересующих фольклориста, всегда ощущается направленность на выяснение прежде всего максимально большего количества сведений о нематериаль-

ном духовном наследии, того, что может ускользнуть от внимания этнографа, поэтому акценты его вопросов все же несколько иные. В частности, собиратель фольклора всегда выясняет, какие фольклорные тексты сопровождали совершение того или иного обряда или обычая, почему и каким образом они произносились в тот или иной момент. Кроме того, хорошо известно, что для формирования адекватного и целостного знания о фольклоре, его необходимо изучать, максимально учитывая окружающий его этнографический контекст. А также, на наш взгляд, следует учитывать мнение самих носителей традиции и фиксировать все то, что они считают важным и с чем считают нужным поделиться, для того чтобы иметь представление об их культурном тезаурусе.

Особое внимание в записи исполнительских комментариев уделяется народной терминологии, отражающей представления о ней самих носителей традиции, своего рода саморефлексия. Среди народных «знаний о фольклоре» этнические названия песенных жанров, исполнительских приемов, музыкальных инструментов. Этот аспект важен как для коренных и пришлых неславянских этносов Сибири [13; 14; 16], этнические названия которых могут быть не знакомы русскоязычному собирателю, так и для славянских традиций, которые также могут содержать новую, ранее неизвестную информацию [4; 15].

– Теленгитский напев более живой и «острый» по сравнению с алтайским (алтай-кижи). Характер теленгитов так же отличается от характера алтайцев, он более живой и «острый». Навы частушек – алтайские... (Записано Е. И. Жимулевой и Н. Р. Ойноткиновой 7.08.08 г. в с. Балыктуюль Улаганского района Республики Алтай от С. С. Тадышевой (теленгитка, 1938 г. р.).

– Масленичные песни – по-чувашки Саварни-юрри. Свадебные песни – туй-юрри. Это специальные песни, особенные. Невеста на свадьбе плакала. Хёр йёрри – плач невесты. Плакала и причитала под покрывалом – большим платком.

Невеста со своими подружками ходила к тем, кто ее приглашал, и там причитала. Хёр Зумми – подруга невесты. Ехать или идти за невестой – хёр илме. (Записано экспедицией НГК (руководитель Н. В. Леонова) 06.10.09 г. в д. Казанка Казачинского района Красноярского края от Е. Е. Никитиной (чувашка, 1923 г. р.).

В отдельных случаях фиксируется также толкование исполнителем вербального текста песен. Отношение информантов к текстам песен бывает особенно показательным, когда выясняется содержание архаичных обрядовых песен или фольклоризованных церковных песнопений, смысл которых нередко бывает не ясен даже для самих исполнителей. Приведем пример «объяснения» смысла носительницей традиции текстов рождественских тропаря и кондака:

– Дева, значит, Она была беременна, пречувствена Сына рождает – Она чувствовала! Что рождается у Ей Иисус Христос. Свосяя миру и свет разума – у каждого есть свой разум... Небо подаёт, и земля, и всё в округе, всё будет господствовать для Рождения Иисуса Христа. Учахся – учах-ся – это уста, говорили это уста человека. Вертепному преступному – значит, вертится земля, а всякие преступники, они, когда рождается Иисус Христос, всё это умирает. Иисус Христос вот, нарождается. Пастыри – это ученики Иисуса Христа. Славословют – вот они ходят, значит, прославляют, что родился Иисус Христос. Волх, вижу – это как Небесный Царь со звездою, значит, работает там, что у Него родился Сын Небесный. Он и видит, Он и предчувствовал, что Женщина родит Ребенка. (Записано 12.06.05 г. Е. И. Жимулевой и М. М. Андреевой в д. Сидоровка Колыванского района Новосибир-

ской области от А. Р. Шальневой (русская, 1928 г. р.).

Имея достаточное количество содержательных исполнительских комментариев, можно составить представление о степени сохранности традиции и об отношении к ней ее носителей. Подобная попытка предпринята в статье о песенном фольклоре сибирских чувашей фольклориста-филолога Е. В. Федотовой [17]. Ремарки и комментарии информанта, его поведение во время беседы с ним, собранные позволяют понять личность конкретного исполнителя, его отношение к ситуации записи от него фольклора [11]. Обозначенный аспект тесно связан с личностями отдельных этнофоров, изучение культурного багажа которых также является перспективным для современных исследований традиционной культуры (см.: [1]).

Завершая статью, заметим, что особенно актуальна запись исполнительских комментариев и этнографической информации для традиций (как коренных, так и переселенческих), находящихся на стадии разрушения, представители которых «гораздо более охотно рассказывают, чем поют, что вполне обычно для традиций, находящихся на стадии угасания» [7, с. 240]. Записывая всю существующую на данный момент информацию о музыкальном фольклоре, а также о традиционной культуре в целом и ее отдельных носителях, собиратели-фольклористы тем самым сохраняют от забвения то, что еще осталось (см.: [14, с. 374]). И поэтому, пока мы еще имеем возможность общаться с представителями уходящей в прошлое традиционной культуры, фиксировать надо все, что еще живет, пусть даже в воспоминаниях. Очень может быть, что ценность зафиксированного будет осмыслена позже.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балобанова (Федосова) К. А. Ремарки исполнителя магического текста как источник информации // Живая старина. – 2008. № 1. – С. 34–36.
2. Виноградов В. В. Конференция «Полевой сезон фольклористов» // Живая старина. – 2011. – № 2. – С. 69–71.

А. Р. Шальневой (рус.).

точное количество содержательных комментариев составить представление о сути традиции и об отношении ее носителей. Подобная практика принята в статье о песенно-музыкальных традициях чувашей фольклора Е. В. Федотовой и комментарии информантов во время беседы с ним позволяют понять личность исполнителя, его отношение к традиции, записи от него фольклора как ценный аспект тесно связан с историей отдельных этноформ, изучение багажа которых так перспективным для современных исследований традиционной культуры [1].

В статье, заметим, что основная запись исполнительских традиций и этнографической информации (как коренных жителей, находящихся в процессе разрушения, представители культуры гораздо более охотно рассказывают, что вполне обычно находящиеся на стадии разрушения [240]. Записывая всю суть традиционной культуры, а так как в этнографической культуре в целом и ее носителях, собиратели-фольклористы сохраняют от забвения то, что еще осталось (см.: [14, 240]). Поэтому, пока мы еще имеем возможность общаться с представителями культуры в прошлом традиционной культуры, записывать надо все, что еще осталось, даже в воспоминаниях. Важно помнить, что ценность зафиксированной культуры осмыслена позже.

1. Григорьева Г. Г. Стоит ли собирать фольклор? // Живая старина. – 2000. – № 2. – С. 39–41.
2. Демина Л. В. Музыкальный код старожильческой свадьбы Тюменской области // Мельниковские чтения: материалы первой региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 19–21 февраля 2003 г. / Отв. составитель Н. В. Леонова. – Новосибирск, 2004. – С. 91–96.
3. Жимулева Е. И., Леонова Н. В. Фольклорные традиции чувашей Красноярского края: результаты экспедиции 2009 г. // Народная культура Сибири: Материалы XVIII научно-практического семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск, 2009. – С. 256–261.
4. Жимулева Е. И., Леонова Н. В. Экспедиция 2004 года // Сибирский музыкальный альманах, 2004. – Новосибирск, 2007. – С. 316–320.
5. Журба А. В., Леонова Н. В., Шахов П. С. Фольклорные традиции сибирских переселенцев: итоги полевого сезона 2008 года // Народная культура Сибири: Материалы XVII научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск, 2008. – С. 238–243.
6. Иванова А. А. Полевые исследования в истории полевой фольклористики // Живая старина. – 2008. – № 1. – С. 30–32.
7. Леонова Н. В. Из дневника фольклорной экспедиции в Мариинский район Кемеровской области // Сибирская этномузыкологическая экспедиция: Сравнительное изучение процессов трансформации в интонационных культурах народов Сибири и Непала. – Новосибирск, 2009. – (Полевые исследования – 2007. Выпуск 1.). – С. 59–64.
8. Леонова Н. В. Полевые исследования музыкального фольклора сибирских переселенцев (вторая половина XX начала XXI века) // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Материалы Всероссийской научной конференции. – Новосибирск, 2008. – С. 318–334.
9. Малахова Е. П. Как «собирать мох по болотам»... (Из наблюдений за полевой работой фольклористов) // Культурологические исследования в Сибири. – Омск, 2012. – (В печати).
10. Мороз А. Б. Заметки «инквизитора»: к вопросу об этике полевой работы // Живая старина. – 2008. – № 1. – С. 32–34.
11. Новикова О. В. Современное состояние песенной традиции бурят: результаты экспедиционного изучения // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. – М., 2008. – С. 166–172.
12. Сагалаев К. А., Солдатова Г. Е. Фольклор и обряды хантов реки Вах: современное состояние // Актуальные проблемы сибирской фольклористики: Материалы Всероссийской научной конференции. – Новосибирск, 2008. – С. 362–376.
13. Сидорская О. Г. Состояние музыкального фольклора украинских переселенцев юга Омской области (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций 2005–2007 гг.) // Народная культура Сибири: Материалы XVI научного семинара-симпозиума Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т. Г. Леонова. – Омск, 2007. – С. 282–287.
14. Сыченко Г. Б. Песня и обряд в традиционной культуре алтайцев // Вопросы музыковедения. – Новосибирск, 1999. – С. 241–256.
15. Федотова Е. В. Чувашский фольклор в Новосибирской области: проблемы сохранения // Художественное наследие национальных литератур XX века в общероссийском культурном пространстве: проблемы взаимодействия: Материалы Всерос. науч. конф. – Якутск, 2007. – С. 49–58.
16. Экспедиционные открытия последних лет: статьи и материалы. Вып. 2. Народная музыка, словесность, обряды в записях 1982–2006 гг. – СПб., 2009. – (сер. Фольклор и фольклористика).

Получено 12 апреля 2012 г.